

В тот день Ши Удуань совершил Цзю Синь Цэн Ди, навлекая ярость богов грома девяти небесных уровней, в долине Кангюнь образовалась огромная зияющая дыра, простирающаяся от середины долины до места, где духи сооружают свои укрытия. В то время как главный виновник трагедии просто отряхнулся и ушел со своей сумкой, мелкие духи по всей долине Кангюнь перепугались до смерти и каждый день жили в тревоге.

Никто не замечал, что в той дыре, которую поразил удар молнии, ежедневно с одиннадцати вечера до часу ночи выходил тёмный дым.

Ши Удуань, только что спустившись с горы, видел всюду что-то новое, все интригующее. Он стоял посреди рынка, давно отбросив на задворки сознания Цзян Хуа, и чувствовал, что никогда прежде не видел столько людей, толпящихся вместе, мужчин, женщин, молодых и старых, они были всех форм и размеров, даже камни, которыми выложен их путь, все казалось таким волшебным.

Когда он был совсем юным, шифу всегда говорил о «большом широком мире», «всеобщем веселье», он понимал только звучание этих фраз, но не их смысл. Теперь же он смог впитать их в себя.

Ши Удуань взвалил на плечи свою сумку и посадил птицу Куйбин на плечо, его круглые глаза метались во все стороны, словно их не хватало, чтобы увидеть все. Он зажал между зубами еще дымящуюся булочку - несмотря на то, что эта булочка была куплена в маленьком магазинчике на окраине, она все равно является доказательством теплоты мира, ему казалось, что она пахнет во много раз приятнее, чем безвкусная белая каша из дома старика.

Ши Удуаню понадобилось всего два-три укуса, чтобы доесть одну булочку, он чувствовал, что этого недостаточно. Он погладил свой живот, продолжая молча размышлять: как хорошо, если бы Сяо Ли-цзи последовала за мной.

Но тут же его внимание привлекло нечто другое. Ему казалось, что поиски Цзян Хуа не такое уж срочное дело, поэтому он отбросил все и позволил себе расслабиться до предела.

Ши Удуань не знал, что Цзян Хуа, которого ему было поручено найти, сейчас находился на горе Цзюлу. Никто не знает, когда он взобрался на гору, как он взобрался на гору, словно он действительно пришел с дуновением ветра под ярким лунным светом, который не смогли уловить даже толпы людей под горой Цзюлу.

Даосский мастер сидел, скрестив ноги, рядом с гигантской астролябией во внутреннем дворе. Он ничего не высчитывал, просто держал руку над астролябией, позволяя звездным нитям игриво болтаться на его пальцах. Рядом с ним расположилась небольшая печь, на ней - кувшин с вином.

Когда позади него появился Цзян Хуа, даосский мастер не поднял головы, просто указал на место рядом с собой и сказал:

«Ты пришел. Садись»

Цзян Хуа не приверженец формальностей, он подогнул свою одежду, прежде чем сесть на землю рядом с ним. Он взял чашу, взял стоящий на печи кувшин с вином, чтобы налить себе полную чашу, одним глотком проглотил половину и спросил:

«Где твоя маленькая обезьянка, отправил его с каким-то поручением?».

Даосский мастер опустил глаза, крутя на пальцах звездные нити. Он занимался культивацией целое столетие, но выглядел не старше средних лет. Однако за эти несколько дней черты его лица заметно осунулись, если внимательно посмотреть на его боковой профиль, то на кончике бровей у линии роста волос уже появилась седина.

Даосский мастер произнес:

«Это дитя, Удуаня, я поручаю тебе на несколько лет».

Цзян Хуа выглядел так, будто хотел что-то сказать, но в итоге только вздохнул, допивая вторую половину чаши вина. Некоторое время они молчали, прежде чем он спросил:

«Я пришел из долины за горой и издалека увидел дыру небесного происхождения, что это такое?».

Даосский мастер грустно усмехнулся, но ничего не сказал.

Цзян Хуа покачал головой и сказал:

«В три года уже достаточно большой, в семь лет уже достаточно взрослый, твой маленький ученик, будучи семилетним, уже осмелился использовать магический огонь, чтобы сжечь зал предков, сейчас, будучи едва десятилетним, он уже может вызвать удар молнии, каким будет его будущее? С таким темпераментом, когда он окончательно повзрослеет, он даже сможет пробить дыру в наших Небесах?»

Даосский мастер смог лишь принужденно рассмеяться:

«В будущем, мне придется положиться на тебя, брат культиватор, чтобы дисциплинировать его больше».

Цзян Хуа возразил:

«Ты потратил десять лет, чтобы воспитать его до нынешнего состояния, какими талантами я обладаю, чтобы обеспечить всестороннюю заботу о нем? Обеспечить ему крышу над головой и вырастить достойным человеком - уже неплохо, не будем даже говорить о дисциплине.»

Он размял плечо и улыбнулся:

«Если ты отдашь ребенка мне на воспитание, не получится ли так, что чем больше я буду его воспитывать, тем хуже он станет?».

Даосский мастер ничего не сказал. Он внезапно встал, несколько звездных нитей быстро намотались на его вытянутую руку. Астролябия сразу же посветлела, между медленно движущимися маленькими звездами образовался крошечный циклон, раздувающий зеленый рукав даосского мастера.

Цзян Хуа, следящий за его взглядом, ошеломленно замер. Он не смог удержаться, чтобы не промолвить:

«Это...»

Все тело даосского мастера было охвачено звездным светом, исходящим от таблицы созвездий. Услышав, он повернул голову, его лицо на фоне света не выражало ни счастья, ни печали, но глаза были невероятно глубокими.

Цзян Хуа широко распахнул глаза, его прежняя лень исчезла. Не удержавшись, он тоже поднялся, посмотрел сверху вниз на астроблюбу с хаотическими созвездиями и снова взглянул на даосского мастера. Он долго колебался, прежде чем осторожно спросить:

«Если я не ошибся, это... Тай* вот-вот рухнет, я прав?»

(*) Тай: гора, часто упоминаемая в фантастических текстах, в реальности находится недалеко от Хэнаня. Обрушение горы Тай воспринимается как знак бедствий.

«Звезды становятся беспорядочными, Тай рухнет, демоны бесчинствуют...».

Даосский мастер внезапно прикрыл глаза, опустив поднятую руку. Звездные нити, первоначально обвивавшие его руку, внезапно поникли и упали одна за другой. Море звезд на астроблуде вернулось в состояние покоя, свет померк, бесчисленные звезды стали похожи на настоящие камешки. Легкий холодок медленно охватил маленький домик на вершине горы Цзюлу, как блеск воды в ночи:

«Мой брат культиватор, я не предполагал, что нам посчастливится стать свидетелями хаоса, достаточно большого, чтобы расколоть весь наш мир в этой жизни».

Цзян Хуа надолго застыл в оцепенении, его взгляд с потухшей таблицы созвездий внезапно переместился на даосского мастера:

«Ты...»

Даосский мастер поднял руку, чтобы остановить вторую половину фразы, его пальцы, которые, кажется, стали еще тоньше, чем раньше, слегка дрогнули. Он долго молчал, прежде чем произнести:

«Нет необходимости в стольких словах, это судьба».

Он повернулся к Цзян Хуа и долго смотрел на него, после чего сказал:

«Друг, ты уже отдалился от этих мирских дел, поэтому тебе следует смотреть на все это с холодным взглядом и непоколебимым сердцем. Но мы, мы не можем контролировать наши судьбы».

Цзян Хуа выдавил из себя улыбку и спросил:

«Что? Ты хочешь подарить мне своего драгоценного ученика? На этот раз ты готов отпустить его?».

Даосский мастер ответил:

«Следовать за тобой и быть оторванным от этого мира - это не обязательно плохо. Я просто чувствую, что этот ребенок, если говорить о его своенравии, в течение последних столетий на горе Цзюлу никто не мог с ним соперничать. Но он не обладает достаточной пронизательностью, он не отличается большим умом, я просто боюсь его маленьких хитроумных уловок. Если это действительно невозможно изменить... в будущем, если ты по-прежнему захочешь помочь мне, ты можешь заботиться о нем немного больше».

Цзян Хуа был поражен.

Даосский мастер продолжил:

«У каждого своя судьба, если он был рожден, чтобы нести это небесное бедствие, никто не смог бы вырваться из него».

Если вернуться к Ши Удуаню, то он спускался с горы более полумесяца. Он достаточно повидал, достаточно наигрался и наконец, вспомнил, что ему все еще нужно найти Цзян Хуа, но он уже израсходовал все свои деньги. Все увиденное показалось ему интересным, а поскольку он впервые мог покупать вещи для себя, то потратил все деньги без расчета. Он не видел преимуществ наличия денег, словно избалованный богач, и быстро разорился настолько, что у него не осталось денег на комнату.

К счастью, подобные мелочи его не особенно заботили, и в полночь он пробрался в зал предков* деревни, чтобы укрыться.

(*) некоторые деревни в древнем Китае (и несколько в современном Китае тоже) часто состояли из родственников, носящих одну и ту же фамилию, поэтому у них мог быть и общий зал предков.

Зал предков возле входных ворот деревни часто бывает закрыт. Обычно, если нет важных дел, которые нужно обсудить, туда никто не заходит, но в этом зале предков не было даже охранника, поэтому в полночь Ши Удуань карабкался по стенам, чтобы пробраться, как мелкий воришка. Осмотрев зал предков, он обнаружил, что дикая трава здесь даже выше его пояса, во всем зале царит атмосфера угрозы, но он не испытывал никакого страха. Он взглянул на большие письмена «□□□□»*, покрытые неисчислимым количеством пепла и паутины, и покачал головой, затем небрежно отодвинул стол с благовониями, сдул грязь со стола, затем лег на него.

(*) быть преданным и сохранять свою чистоту, последнее относится к женщинам, которые после смерти мужа не вступают в связь с другими мужчинами.

Он не забыл погладить птицу Куйбин по голове, прошептал:

«Тсс, не шуми, будь осторожна, а то тебя заберут и съедят».

Птица Куйбин, отрастившая несколько перьев, с ненавистью посмотрела на него и свернулась калачиком у его ног.

Пара «один человек – одна птица» просто безобразно спала. Ночью Ши Удуань перевернулся на спину. Он находился в молодом возрасте, иногда по ночам у него болели кости, и он бессознательно ворочался во сне, его поза во сне была очень странной. Птица Куйбин, которая мирно спала, в итоге была сброшена им со стола.

Большая птица испуганно взлетела, тут же захлопала крыльями, чтобы не разбить голову о каменный пол. Она сердито взлетела на стол, осыпая Ши Удуаня оскорблениями, но этот маленький сопляк спал, как дохлая свинья, и не собирался просыпаться.

У птицы закончились варианты, и она была вынуждена переместиться к голове Ши Удуаня, снова улегшись у его плеча. Птица уже собиралась укрыться крылом и продолжить спать, как вдруг услышала скрип двери зала предков, которая явно двигалась сама по себе, без всякого ветра.

«Божественный воробей» в шоке поднял голову, но скрип не утихал, а только что выросшие перья встали дыбом. Птица клюнула Ши Удуаня, а затем продолжала хлопать крыльями по его голове, наконец, сумев разбудить его.

Ши Удуань ошеломленно протер глаза, растерянно глядя на птицу, которая внезапно сошла с ума посреди ночи. Птица взмыла в воздух, издав резкий звук. Он нахмурился, прищурился в сторону двери и увидел, как несколько бледных пальцев ухватились за дверную раму и старуха в белом вошла внутрь, словно влетела.

Эта старуха не обратила на него внимания, а направилась к столу с благовониями и вернула курильницу, которую Ши Удуань отодвинул, в исходное положение. Ши Удуань немедленно отошел назад, чтобы освободить ей место, где она с любовью очистила и зажгла благовонную палочку, чтобы помолиться.

Ши Удуань потер нос, чувствуя, что старуха поклонилась именно ему. Сожалея об этом, он тут же спрыгнул со стола и подождал, пока она закончит кланяться.

Только тогда старуха повернулась к нему, и ее не очень светлые глаза устремились к его телу. Эти глаза невероятно холодные, Ши Удуань вздрогнул, чувствуя себя так, словно на его лицо плеснули холодной водой. Поэтому он бесстрастно взъерошил свои волосы, улыбнулся и сказал:

«Насчет этого... бабушка, этот малыш не специально завалился сюда, просто я сейчас в затруднительном положении... Хахахаха».

Старуха странно смотрела на него долгое время, затем жестом руки пригласила его подойти, ее голос был хриплый:

«Иди сюда».

Ши Удуань послушно последовал за ней, а птица стала настолько нетерпеливой, что казалось, будто она может достать до крыши. Она вцепилась в его рукав и изо всех сил пыталась оттащить назад, даже когтями вцепилась в волосы Ши Удуаня. Ши Удуань держался за голову и сжимал шею, затем взмахнул рукой и схватил «божественного воробья» за шею. Подражая Бай Ли, он засунул птицу в одежду и сказал:

«Не шути так».

По комнате начал клубиться туман, птице казалось, что волны и колебания энергии инь сгущаются в огромную зияющую пасть, а старуха, стоящая посреди густой призрачной энергии, ведет их к этой пасти.

Ши Удуань радостно продвинулся на два шага вперед, все еще спрашивая:

«Бабушка, куда ты хочешь меня привести?».

Старуха бодро шагала к черной пасти, жестом приглашая его вперед:

«Иди сюда».

Ши Удуань следовал до самого конца, затем остановился, глядя на маленькую старуху ростом едва ли выше его. Он наклонил голову и некоторое время думал, прежде чем сказать:

«Бабушка-призрак, я читал, что в книгах пишут, что это Призрачные Врата, я - живая душа, я не могу их пересечь».

Услышав это, лицо старухи сразу же изменилось, ее лицо покрылось страшным зелено-серым

блеском. Ши Удуань все еще не чувствовал страха, он с волнением смотрел на нее, как на танцующую цирковую обезьяну, показывающую трюки. Увидев, что она изменилась в лице, он обнял птицу, которая так напугалась, что ее глаза закатились назад, и серьезно спросил:

«Бабушка, ты хочешь обманом заставить живые души войти в Призрачные Врата, ты хочешь украсть тела?».

Тело призрачной старухи внезапно увеличилось на несколько метров в высоту, ее вид стал невероятно страшен, его можно описать как желтое лицо с зелеными клыками. Она быстро набросилась на Ши Удуаня, который, все еще держась за птицу, проворно отпрыгнул назад и избежал ее, его рот все еще был открыт:

«Бабушка, сначала послушай, что я тебе объясню. Я совершенно невинный мальчик, не говоря уже о том, что я культиватор, моя энергия ян слишком сильна, даже если ты украдешь мое тело, это ненадолго».

Похоже, эта призрачная старуха никогда не видела такого бесстрашного ребенка, поэтому она не удержалась и сделала паузу, странно глядя на Ши Удуаня. Ши Удуань зевнул и сказал:

«Давай так. Я уже спал в твоём зале предков... это может показаться немного неуважительным, поэтому я смущен. Ты превратилась в жестокого призрака, поэтому наверняка сохранила обиды из прошлой жизни. Если у тебя есть какие-то незаконченные дела, ты можешь просто сказать мне, я помогу тебе их закончить».

«Какие у тебя есть незаконченные желания?»

Призрачная старуха надолго застыла в оцепенении, ее тело зависло в воздухе, изо рта вырвался скрипучий звук. Прошло некоторое время, прежде чем Ши Удуань ясно услышал слово «убить», поэтому он жалобно почесал голову и спросил:

«Убить? Кого убить? Ах, да, ты уже превратилась в жестокого призрака, поэтому точно не помнишь. О, судя по тому, что я вижу, ты, должно быть, пробыла в мире живых больше века, и даже если у тебя были враги, они уже умерли семь или восемь жизней назад, даже ты не можешь вспомнить это ясно, так почему ты продолжаешь держать обиду? Тебе просто нужно поскорее пройти инкарнацию...»

Призрачная старуха обнажила клыки и прыгнула вперед.

Ши Удуань быстро достал из сумки астроябю и сказал:

«Хорошо, хорошо, хорошо, я помогу тебе рассчитать твою карму, рассчитаю немного, и все будет в порядке».

Птица, услышав, что он хочет рассчитать карму даже для женщины-призрака, тут же закатила глаза и упала на землю без сознания.

Ши Удуань пробормотал и вытащил звездные нити, мягкий свет вырвался из астроябии. Призрачная старуха не могла удержаться и сделала шаг вперед, словно околдованная чем-то, протянула руку, чтобы коснуться белого света. В тот момент, когда кончики ее пальцев коснулись белого света, Ши Удуань поднял голову и сделал уродливое лицо.

Старуха-призрак была жестоким призраком в течение стольких лет, она всегда носила демоническое лицо и пугала других, но никогда кто-то другой не делал уродливое лицо на нее,

поэтому она не могла не быть ошеломленной на мгновение. В этот момент из астроблики вырвался луч яркого света, который пронзил ее тело. Старуха-призрак издала жуткий вопль, и в мгновение ока она превратилась в легкий дым от астроблики и была втянута в звезды

Яркий свет рассеялся лишь спустя долгое время, Ши Удуань слегка хлопнул по астроблики, он увидел, что она, потускневшая после удара молнии, снова восстановила часть своей жизни, он покачал головой:

«Все ее враги давно умерли от старости, что за ерундовая обида, желание навредить другим должно быть ее истинным намерением... Ох, первая встреча с жестоким призраком, какой сюрприз, их так легко обмануть»

Птица Куйбин сначала пришла в себя, но, услышав это, снова чуть не упала в обморок. Ши Удуань взял ее на руки и положил себе на плечо, другой рукой он держал астроблику. Он снова медленно забрался на стол, зевнул и лег спать.

На следующий день, когда он проснулся, солнце уже поднялось очень высоко. Он поднял голову и сразу же увидел человека, сидящего на циновке в зале предков спиной к Ши Удуаню. С какого-то момента его астроблика и сумка уже находились в руках этого человека.

Ши Удуань протер глаза, спрыгнул с деревянного стола и торжествующе крикнул: «Старик Цзян Хуа!»

Цзян Хуа потер бороду, обернулся назад и благочестиво улыбнулся, только чтобы увидеть, как Ши Удуань крикнул и подбежал к нему, его волнение проявлялось в его голосе.

Цзян Хуа почувствовал, как его сердце замирает от мысли, что потом этому ребенку придется следовать за ним и терпеть все невзгоды, и ему немного не хотелось. Ему хотелось сделать вид, что он добрый, и протянуть руку, чтобы потрепать мягкие волосы мальчишки, но он не ожидал, что Ши Удуань поднимет голову и скажет:

«Я наконец-то нашел тебя. У меня ничего не осталось, если бы мне пришлось идти и искать тебя дальше, то мне пришлось бы есть воздух!»

Рука Цзян Хуа остановилась, зависнув в воздухе, и он увидел, как Ши Удуань потирает свой крошечный животик, улыбаясь ярко, как солнце, обнажая два ряда белых зубов, его голос был пронзительным:

«Старик, быстро купи мне жареного ослиного мяса!».